НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

объ употребленіи иностранныхъ словъ.

Рѣчь, сказанная на годичномъ актѣ

Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института

ПРОФЕССОРОМЪ

Романомъ БРАНДТОМЪ.

1883 Г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

540
65

Извлечено изъ VIII тома Извѣстій Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ДАР С. И. СОБОЛЕВСКОГО

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

объ употребленіи иностранныхъ словъ.

Рѣчь, сказанная на актѣ 1882 г. (30 Авг.) профессоромъ Р. Ф. Брандтомъ [1]).

Мм. Гг. и Мм. Гг.! Вопросъ объ употребленіи иностранныхъ словъ на которомъ я позволю себѣ остановить Ваше благосклонное вниманіе, представляетъ, кажется, общій интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легко поддается популярному изложенію. Конечно, у этого вопроса есть также сторона чисто спеціальная, но я въ настоящее время не намѣренъ ея касаться: мы не будемъ съ Вами разсуждать объ иностранномъ или туземномъ происхожденіи того или другого слова—не будемъ напр. толковать о томъ, почему слово *молоко* слѣдуетъ считать заимствованнымъ Славянами у Германцевъ, почему для слова *хлѣбъ* возможно то-же самое предположеніе, но возможно и обратное, и почему люди, оспаривающіе эти положенія ошибаются [2]). Не вдаваясь въ научный разборъ темныхъ и сомнительныхъ словъ, я буду упоминать исключительно о такихъ словахъ, иностранное (и притомъ западноевропейское) происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, и буду толковать главнымъ образомъ о ихъ полезности или вредности.

Едва-ли я ошибусь, если скажу, что нѣтъ на свѣтѣ языка, который состоялъ бы изъ однихъ туземныхъ элементомъ и не содержалъ бы, въ большемъ или меньшемъ числѣ, слова пришлыя, иностранныя. И вѣдь это вполнѣ естественно: народъ знакомится съ какимъ-нибудь новымъ для него предметомъ при посредствѣ другого народа, народъ заимствуетъ у другого народа какое-нибудь изобрѣтеніе, начинаетъ учиться у него неизвѣстной дотолѣ наукѣ — и вотъ, вмѣстѣ съ новыми предметами, вмѣстѣ съ новыми понятіями, приходятъ изчужа и ихъ готовыя названія, и нечего удивляться, что эти названія далеко не всегда замѣняются своими, вновь изобрѣтаемыми названіями, а нерѣдко удерживаются. Воз-

никаетъ (чтобы взять одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и очевидныхъ примѣровъ) у Грековъ драматическое искусство, переходитъ отъ нихъ къ Римлянамъ и распространяется впослѣдствіи по всей Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространяются и греческія слова *театръ, драма, комедія, трагедія.* Петръ Великій начинаетъ учиться мореплаванію у Голландцевъ, и до сихъ поръ въ устахъ нашихъ моряковъ слышится масса голландскихъ терминовъ, въ родѣ *бизань-шкотъ, гротабрамсъ; утлегарь* и т. п. [3]).

Вообще говоря, заимствованіе иностранныхъ словъ нельзя не считать явленіемъ естественнымъ и законнымъ: пришлыя слова имѣютъ даже весьма симпатичную сторону, какъ памятники мирнаго общенія народовъ и ихъ взаимнаго обученія. Поэтому-то крайній *пуризмъ*, стремленіе изгнать изъ родного языка всѣ иностранные элементы, нельзя не считать страннымъ и даже смѣшнымъ. Полное «очищеніе» языка, т. е. *устраненіе всѣхъ иностранныхъ словъ*, конечно, вещь немыслимая: иностранное слово вошедшее въ языкъ давно, до того съ нимъ сростается, что становится своимъ, роднымъ — ни одинъ пуристъ не посягнетъ напр. на выше упомянутое слово *молоко.* (Это слово — общеславянское и взято у Германцевъ въ тѣ незапамятныя времена, когда Славяне составляли еще одинъ народъ) [4]). И, дѣйствительно, пуристы всегда ратовали лишь противъ такихъ словъ, иностранное происхожденіе которыхъ ясно для всякаго, кто только знакомъ съ иностранными языками. Но и въ такихъ предѣлахъ трудно осуществить пуристскій идеалъ, когда языкъ уже обладаетъ значительною литературою. Пуризмъ въ настоящее время процвѣтаетъ у нѣкоторыхъ народовъ, литература которыхъ только что возникаетъ, или же недавно возродилась послѣ продолжительнаго перерыва: такъ, изъ Славянъ Чехи, Хорваты, Словенцы и Верхніе Лужичане осудили на изгнаніе массу иностранныхъ словъ, въ томъ числѣ даже научные термины—по-чеш. напр. *театръ* называется divadlo (отъ dívati se смотрѣть), *химія* называется лучба (lučba—отъ loučiti соединять), *ботаника*—рóстлиництви (rostlinictví—отъ rostlina растеніе) [5]); Хорваты *ботанику* называютъ bilinarstvo, отъ bilina растеніе (срв. рус. былинка), вмѣсто *телеграфъ*, они составили свое слово brzojav (brzo—быстро, javiti явить, объявить) [6]). Пуризмъ господствуетъ также въ новорожденныхъ литературныхъ языкахъ Мадьяръ и Финновъ. Въ Германіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ войны съ Французами, въ почтовомъ вѣдомствѣ было воздвигнуто гоненіе противъ французскихъ словъ: по распоряженію директора почтъ Штефана, вм. Couvert стали говорить обертка (Umschlag),

вм. recommandirt — eingeschrieben (записанное, т. е. заказное письмо) и т. д. И на русской почвѣ дѣлались подобныя попытки: извѣстны нпр. стремленія почтеннаго составителя Толковаго словаря, Владиміра Ивановича Даля, который предлагалъ переименовать *гимнастику* въ *ловкосиліе*, *атмосферу* въ *колоземицу*, а своего брата *пуриста*—въ *чистяка*[7]).

Отзывъ мой о пуризмѣ вышелъ нѣсколько рѣзокъ, и потому мнѣ кажется необходимымъ сейчасъ-же смягчить его слѣдующею оговоркою: должно различать между иностранными словами уже усвоенными языкомъ и словами принимаемыми вновь—если преслѣдованіе первыхъ слѣдуетъ считать довольно пустою затѣей, то и покровительство вторымъ не заслуживаетъ одобренія, и въ отношеніи къ нимъ пуризмъ вполнѣ умѣстенъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ языкъ, для выраженія новаго понятія приходится вносить новое слово, то лучше образовать его самому изъ родныхъ элементовъ, чѣмъ заимствовать изчужа. Однако, вновь образуемое реченіе непремѣнно должно быть составлено въ духѣ родного языка—особенно слѣдуетъ избѣгать *буквальнаго перевода* иностранныхъ словъ, который нерѣдко выходитъ чрезвычайно неуклюжимъ, а *плохо переведенныя* слова́ едва-ли не хуже настоящихъ иностранныхъ. Таковы нпр. слова́ *кораблекрушеніе* и *виноторговецъ*, очевидно представляющія переводъ нѣмецкихъ Schiffbruch и Weinhändler: «Schiff—корабль, Bruch—крушеніе, Wein—вино, Händler—торговецъ, значитъ Schiffbruch—кораблекрушеніе, Weinhändler—виноторговецъ», вотъ какъ разсуждали составители этихъ словъ, причемъ совершенно упустили изъ виду, что Русскій языкъ не можетъ, подобно Нѣмецкому, склеить вмѣстѣ какія угодно слова́, чтобы образовать новое, сложное, что въ русскомъ сложномъ реченіи вторая часть должна принять такой видъ, въ какомъ она въ отдѣльности не употребляется: этотъ законъ ясно виденъ въ чисто русскихъ словахъ, напр. *землеройка*, *душегубъ*, *молокососъ*, *водовозъ*, *мухоморъ*—словъ *ройка*, *губъ*, *сосъ* вовсе не существуетъ въ языкѣ, а *возъ* и *моръ*, хотя и имѣются, но не въ томъ значеніи, какъ въ словахъ *водовозъ* и *мухоморъ*: вѣдь *водовозъ* не значитъ *возъ для воды*, *мухоморъ* не значитъ *моръ на мухъ*. Такимъ образомъ настоящій переводъ Weinhändler и Schiffbruch былъ бы *виноторгъ* и *кораблекрухъ*, или въ этомъ родѣ. Конечно, когда какая-нибудь странность начинаетъ часто повторяться, она перестаетъ казаться странностью: слова́ *кораблекрушеніе* и *виноторговецъ* не стоятъ особнякомъ, а есть цѣлая масса подобныхъ имъ, явившихся въ нашу литературную рѣчь одни изъ Германіи, другія—изъ Греціи. (Изъ Греціи пришли: *благоуханіе*, *священнослужитель*, *путешествовать*

и т д.) [8]). Не могу здѣсь не войти въ маленькую подробность относительно слова *путешествіе*. По моему, было бы недурно, если бы это «русское» слово вывелось изъ употребленія и замѣнилось хоть бы французскимъ *вояжъ*, которое иногда и употребляется (Гончаровъ напр., въ извѣстныхъ очеркахъ «Фрегатъ Паллада», говоритъ про свой кругосвѣтный вояжъ, и притомъ вовсе не съ комическимъ оттѣнкомъ) [9]). Нерѣдко подтруниваютъ надъ длинными сложными словами Нѣмецкаго языка; но въ этомъ языкѣ длиннота и неуклюжесть словъ всегда искупаются богатствомъ мысли, богатствомъ содержанія: иное нѣмецкое слово приходится переводить по-русски довольно длиннымъ выраженіемъ [10]). А наше пу-те-ше-ствi-е?! *Пять слоговъ* употреблено на то, чтобы сказать (простите рѣзкость выраженія)—чепуху. Развѣ путешественники *шествуютъ по пути*, т. е. *ходятъ пѣшкомъ*?! Вы, м. б., возразите мнѣ, Мм. Гг., что это мелочная придирка, вы скажете, что и *мореходъ* не ходитъ по морю, а ѣздитъ, что у *одноколки* не одно колесо, а два [11])—но вѣдь то слова немногосложныя, безхитростныя, къ которымъ несправедливо предъявлять педантичныя требованія; къ важному, напыщенному «пу-те-ше-ствi-е» должно относиться совершенно иначе: на него съ полнымъ правомъ можно нападать [12]).

Путешествіе, положительно, слово неудобное; неудачно образованы также *кораблекрушеніе*, *священнослужитель* и т. д. Но, кромѣ того, что мы уже попривыкли къ нимъ [13]), можно утѣшать себя и тѣмъ, что буквальный переводъ иностранныхъ словъ выходитъ иногда еще менѣе удачнымъ, еще болѣе страннымъ: по-чешски напр. существуютъ слова veselohra и truchlohra, т. е., въ русской передачѣ, *веселоигра* и *грустноигра*—это переводъ нѣмецкихъ словъ Lustspiel и Trauerspiel, комедія и трагедія [14]).

Всегда найдешь, чѣмъ себя утѣшить, стоитъ только поискать! Тѣмъ не менѣе, я не могу не повторить, что, чѣмъ составлять новыя «родныя» слова на иностранный ладъ, лучше ужъ заимствоваться готовыми словами. Не слѣдуетъ забывать, что иностранное слово имѣетъ также одно несомнѣнное *преимущество* передъ вновь образуемымъ туземнымъ—это отвлеченность и точность: заимствованное для обозначенія одного извѣстнаго предмета или понятія, оно его только и обозначаетъ и не возбуждаетъ никакихъ постороннихъ представленій. Иногда притомъ слово въ новомъ отечествѣ получаетъ болѣе точное, болѣе опредѣленное значеніе: реченіе, имѣющее на родной почвѣ нѣсколько значеній, усваивается въ какомъ-нибудь одномъ значеніи и становится настоящимъ терминомъ: слово Zug напр. по-нѣмецки значитъ тяга, сквозной вѣтеръ, шествіе,

поѣздъ и только между прочимъ означаетъ извѣстную закладку лошадей, но въ Русскомъ языкѣ ему присвоено только послѣднее значеніе.

Еще одно замѣчаніе о переводѣ иностранныхъ словъ. *Переводить* иностранное слово особенно нехорошо тогда, когда составъ его плохо соотвѣтствуетъ значенію: нечего жалѣть напр., что вм. *телеграфъ* не говорятъ *дальнописецъ*—сущность телеграфа весьма дурно передается его названіемъ, да и самый этотъ приборъ, въ новѣйшемъ, усовершенствованномъ видѣ, до того сложенъ, что *изобразить* его въ словѣ было бы чрезвычайно трудно; поэтому-то лучше всего пользоваться для его обозначенія условнымъ знакомъ, каковымъ и является иностранное слово, первоначальный смыслъ котораго или вовсе неизвѣстенъ говорящему, или, по крайней мѣрѣ, не представляется ему такъ живо, какъ смыслъ какого-нибудь *дровосѣкъ* или *лѣсопильня* [15]). Въ скобкахъ замѣчу, что иное иностранное слово легко поддается переводу: такъ было бы недурно, если бы стали говорить *свѣтопись*, вмѣсто *фотографія*. Нѣкоторые фотографы дѣйствительно и употребляютъ это названіе, только они не сообразили, что *свѣтописью* можно называть лишь *фотографію, какъ искусство*, а *мѣсто*, въ которомъ дѣлаютъ свѣтописные снимки, слѣдовало бы назвать не *свѣтописью*, а *свѣтописнею*.

Указанное только что преимущество иностранныхъ словъ передъ вновь составляемыми туземными (ихъ отвлеченность и точность) особенно цѣнно въ *научной терминологіи*: какое-нибудь слово *геометрія*, или *филологія* имѣетъ опредѣленное, условное значеніе, означая науку объ измѣреніи тѣлъ и науку о языкахъ и литературахъ—что первое реченіе собственно значитъ «землемѣріе», а второе «любословіе» [16]), до этого никому дѣла нѣтъ.

Послѣ сказаннаго мною до сихъ поръ, Вы, Мм. Гг. и Мм. Гг., въ правѣ спросить меня, какой я собственно хотѣлъ высказать взглядъ на иностранныя слова, не сводится ли этотъ взглядъ къ извѣстному изреченію «нельзя не признаться, но должно сознаться»? Нѣтъ, мнѣ кажется, что относительно употребленія иностранныхъ словъ можно положить себѣ довольно опредѣленныя правила, которыя я постараюсь изложить вкратцѣ.

Не слѣдуетъ ратовать противъ общеупотребительныхъ словъ, въ родѣ *театръ*, *бильярдъ*, *калоши*, *минута*, но слѣдуетъ избѣгать употребленія новыхъ или малоупотребительныхъ. Не слѣдуетъ, далѣе, прибѣгать къ иностранному слову, когда существуетъ равносильное туземное: къ чему намъ латинское слово *монументъ*, когда у насъ есть *памятникъ*? Къ чему *аргументъ*, когда есть *доказательство* и *доводъ*? Къ чему фран-

цузское *депо*, когда есть *складъ*? Нужно ли заимствовать латинскій *абсурдъ*, когда имѣется уже цѣлая куча однозначущихъ словъ: *нелѣпость*, *нелѣпица*, *безсмыслица*, *чепуха*, *чушь*, *гиль*, *ерунда*, *безтолочь*, *сумбуръ*, *ахинея*, *околесная*, *белиберда*, *ермолафія?* (Нѣкоторыя изъ этихъ словъ тоже не коренныя русскія, но уже обрусѣвшія). Не странно ли говорить «онъ взялъ на себя и-ни-ці-а-ти-ву въ этомъ дѣлѣ», когда и короче и лучше сказать «онъ взялъ на себя *починъ* въ этомъ дѣлѣ»? Иностранное слово только тогда заслуживаетъ права гражданства, когда вмѣстѣ съ нимъ усваивается и новое *понятіе*. Таковы нпр. названія вновь изобрѣтаемыхъ предметовъ, какого-нибудь *телефона*, или *фонографа* (хотя, ктати замѣтить, именно для телефона и для фонографа легко составить русскія названія звуководъ [17]) и звукописецъ).—Незачѣмъ также изгонять такія слова, которыхъ нельзя замѣнить однимъ русскимъ словомъ, а можно только передать описательно: таково нпр. слово *фактъ*. Слово factum было заимствовано Нѣмцами изъ Латинскаго языка и получило у нихъ значеніе *дѣла или событія дѣйствительнаго, несомнѣннаго*— въ такомъ значеніи оно перешло и въ русскую рѣчь. Въ такомъ-то значеніи, какъ противоположное словамъ *слухъ* и *догадка*, слово *фактъ* заслуживаетъ всеобщаго употребленія; но, къ сожалѣнію, оно сдѣлалось модным словечкомъ, и его нерѣдко суютъ куда бы не слѣдовало, безъ нужды замѣняя имъ русскія слова *дѣло*, *событіе*, *произшествіе*, *случай*, *явленіе*, *поступокъ*. Приведу нѣсколько примѣровъ злоупотребленія словомъ фактъ, выписанныхъ мною не помню уже изъ какихъ газетъ и журналовъ, но выписанныхъ (за это я ручаюсь) съ дословною точностью [18]). Одинъ пишетъ: «есть ли нѣчто возможнѣе такого предположенія и такого факта?», другой разсказываетъ про «фактъ смѣлой и наглой кражи лошадей», третій сообщаетъ, что «посѣщеніе италіанскаго короля только вѣроятная возможность, но отнюдь не рѣшоный фактъ [19])». Въ большомъ также ходу въ настоящее время французскія слова *эксплуатація*, *эксплуататоръ*, *эксплуатировать:* возьмите любую газету и Вы непремѣнно встрѣтите въ ней эти роскошные цвѣты новѣйшаго краснорѣчія— въ одномъ мѣстѣ жиды «эксплуатируютъ» народъ, въ другомъ кто-нибудь «эксплуатируетъ» каменоугольныя копи, въ третьемъ начали «эксплуатировать» желѣзную дорогу; гдѣ-то я читалъ даже про «эксплуатацію результатовъ добытыхъ научнымъ путемъ для успѣховъ промышленности». Чтò же значитъ «начать эксплуатировать желѣзную дорогу»? Это просто значитъ открыть ее, начать ею пользоваться, производить по ней движеніе. Чтò значитъ «эксплуатировать копи»? Это значитъ разрабатывать

ихъ. Что̀ значитъ «эксплуатировать результаты науки для успѣховъ промышленности»? Это значитъ пользоваться въ промышленности выводами науки, прилагать выводы науки къ дѣлу. Спрашивается—зачѣмъ люди хитрятъ, когда можно говорить просто! Слово эксплуатировать нехорошо между прочимъ и тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ два существенно различныхъ значенія: *пользоваться чѣмъ* и *злоупотреблять кѣмъ*. Во второмъ значеніи глаголъ эксплуатировать имѣетъ еще нѣкоторое право на существованіе: онъ пришелъ къ намъ съ запада, для обозначенія недобросовѣстнаго отношенія промышленника къ рабочимъ — онъ значитъ пользоваться чужими трудами, давая за нихъ недостаточное вознагражденіе. Но, собственно говоря, западноевропейскій эксплуататоръ то-же самое, что русскій простонародный *кулакъ*, и вмѣсто эксплуатировать отлично можно бы было говорить *окулачить*, *окулачивать* [20]).

Довольно, однако, примѣровъ изъ письменной рѣчи, возьмемъ примѣрчикъ изъ разговорной: въ какомъ большомъ ходу слова *мосье*, *мадамъ* и *мадмуазель!* И теперь многіе, на предложеніе говорить не мадамъ и мадмуазель, а *сударыня*, готовы разсмѣяться вмѣстѣ съ гостями Павла Аѳанасьевича Фамусова: «Сударыня! ха! ха! прекрасно! Сударыня ха! ха! ужасно! [21])». Какъ серіозное возраженіе противъ слова сударыня можно привести только тò, что оно не отличаетъ французскаго madame отъ mademoiselle. Но развѣ это такъ важно? Неужели дѣвицѣ при каждомъ обращеніи къ ней необходимо напоминать, что она дѣвица? А за глаза, когда нужно указать на ея дѣвичество, можно ее назвать дѣвицей или барышней. Иной, впрочемъ, скажетъ про наши вѣжливыя обращенія «*Господинъ такой-то*», «*Милостивый Государь*», «*сударь*», «*Госпожа такая-та*», «*Милостивая Государыня*», «*сударыня*», или *имя-отчество*, что они почти всѣ длинны и неуклюжи. Но кто же толкаетъ насъ употреблять ихъ на каждомъ шагу, какъ Французы свои Monsieur и Madame? А кромѣ того у насъ есть въ запасѣ словцо, которое гораздо короче и Mademoiselle, и Madame, и Monsieur: говорю про словоеръ—*нѣтъ-съ*, *къ чему-съ* и т. д. Звукъ *с*, какъ знакъ вѣжливости, объявили «нсбонтоннымъ», а потомъ жалуются на длину слова сударыня! Положимъ, что слово *сударыня*, и даже *сударь*, для постояннаго употребленія слишкомъ длинно, это нашли уже давно, и поэтому еще въ старину явился обычай иногда не договаривать слова *сударь*, ограничиваясь первымъ слогомъ его *су*: *Василій-су*, *Иванъ-су*—дальнѣйшее сокращеніе этого *су* и породило теперешній словоеръ [22]).

Еще при заимствованіи словъ слѣдуетъ принять слѣдующее пра-

вило: не брать словъ, которыя для русскаго звучатъ странно, т. е. содержатъ въ себѣ звуки или сочетанія звуковъ чуждые Русскому языку—слова въ родѣ *почтамтъ* [23]), *цейхгаузъ* слѣдовало бы изгнать и новыхъ гостей такого рода не принимать. Впрочемъ, противъ неблагозвучія иностранныхъ реченій есть очень простое средство, которымъ народъ и пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ — это передѣлка иностранныхъ словъ, устраненіе изъ нихъ всего, что̀ странно для уха, трудно для языка: изъ *портрета* въ народныхъ устахъ выходитъ *потретъ*, изъ *гауптвахты—обвахта* [24]). Образованные люди, правда, возстаютъ противъ такого «коверканія», но возстаютъ совершенно напрасно: какъ пріѣзжій иностранецъ не привозитъ съ собою своихъ законовъ, а обязанъ подчиниться мѣстнымъ законамъ, такъ и иностранное слово не въ правѣ идти противъ обычаевъ пріютившаго его языка [25]). Позволю себѣ даже сказать, что чѣмъ хуже исковеркаютъ иностранное слово, тѣмъ лучше: искаженное до неузнаваемости, оно изъ пришельца превращается въ туземца—нѣм. Brief (письмо) искажено изъ средневѣковаго латинскаго breve, Abentheuer (приключеніе) — изъ французскаго aventure, французскія слова fauteuil и boulevard суть искаженіе нѣмецкихъ Faltstuhl (складной стулъ) и Bollwerk (оплотъ, окопъ), но теперь Brief и Abentheuer настоящія нѣмецкія слова, fauteuil и boulevard — французскія [26]).—Однако же при искаженіи слова затемняется его происхожденіе, его составъ! Спрашивается: нужно-ли знать происхожденіе и первоначальное значеніе словъ? Нѣтъ, разсуждать объ этимологіяхъ дѣло науки, а въ житейскомъ обиходѣ достаточно тѣхъ этимологій, которыя сами собой бросаются въ глаза; знать же этимологіи болѣе хитрыя, въ особенности знать первоначальное значеніе иностранныхъ словъ совсѣмъ не нужно: вѣдь главное достоинство иностраннаго слова (какъ мы уже отмѣтили раньше) есть именно его отвлеченная, научная точность. Къ тому иная этимологія не только не полезна для пониманія, но прямо вредна: если-бы кто-нибудь вздумалъ опредѣлить значеніе словъ *сюртукъ*, *галстукъ*, *корридоръ* на основаніи ихъ этимологіи, то рѣшилъ бы, что сюртукъ есть то̀, что̀ надѣвается поверхъ всего, т. е. пальто, что шейный платокъ деревенской бабы есть тоже галстукъ [27]), и что корридоръ (въ буквальномъ переводѣ—бѣгунъ) означаетъ скаковую лошадь [28])!

Мы отмѣтили, что заимствуемое слово не должно противорѣчить звуковымъ законамъ даннаго языка; но еще важнѣе, чтобы оно не противорѣчило его этимологіи, не вносило разстройства въ его синтаксисъ. Такое разстройство вносятъ въ русскую рѣчь иностранныя слова нескло-

няемыя, въ родѣ *пальто*, *бра*, *шоссе*, *колибри*, *кенгуру*. Употребленіе подобныхъ словъ есть ничто иное, какъ злоупотребленіе образованныхъ классовъ, узаконенное близорукими грамматистами (съ такимъ же правомъ они могли бы узаконить—нынѣ, слава Богу, уже ослабѣвающее—обыкновеніе пересыпáть русскую рѣчь французскими словами и фразами!). Народъ, не смущаемый изученіемъ грамматики, которая въ данномъ случаѣ идетъ на перекоръ духу языка, не признаётъ несклоняемыхъ словъ и преспокойно говоритъ пальтó,-á,-ý и т. д. А мы утверждаемъ, что подобныя словá не должны склоняться, потомучто они у Французовъ не склоняются. Но развѣ не могло бы быть у Французовъ тáкъ, а у насъ иначе? Кромѣ того мы рѣшительно не въ состояніи передать французскую несклоняемость словъ: во Французскомъ языкѣ, какъ извѣстно, многочисленные падежи Латинскаго языка совпали въ одномъ «общемъ» падежѣ, и наши падежи выражаются посредствомъ предлоговъ (замѣтьте, *выражаются*, а не остаются невыраженными), для нашего же сознанія *пальто* не общій падежъ, а именительный и вмѣстѣ съ тѣмъ винительный (это признали косвеннымъ образомъ и сами грамматисты: вѣдь пальто у насъ средняго рода, какъ *сѣдло*, *окно*, а не мужескаго, какъ у Французовъ). Итакъ, когда мы говоримъ «онъ пошелъ безъ пальто», то при предлогѣ *безъ* вмѣсто родительнаго падежа ставимъ винительный [29])!

Но, даже согласившись склонять словá на *о* (пальто, трико, трюмо), иной можетъ затрудниться, какъ быть со словами на *а*, *е*, *и*, *у*? Исходъ однако простой. Слово *бра* не можетъ склоняться иначе, какъ по образцу мгла—*бра*, *бры*, *брѣ* и т. д.; а словá въ родѣ *шоссе*, *колибри*, *кенгуру* не могутъ образовать иныхъ родительныхъ, какъ *шоссея*, *колибрія*, *кенгуруя* и вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ именительномъ должны бы принять формы *шоссей*, *колибрій*, *кенгуруй* [30]). Къ словамъ на *е* предлагаемая мѣра отчасти ужъ и примѣняется: говорятъ и пишутъ не только *кофе*, *карре*, но также *кофей—кофею*, *каррей—каррея* [31]). Для словъ на *и* есть еще иной исходъ: когда это допускаетъ смыслъ, ихъ можно принять за множественное число, и склонять нпр. *пари*, род. пад. *парей*, дат. *парямъ* и т. д., какъ сани, саней, санямъ [32]).

Въ самомъ дѣлѣ, чтó это за святыня иностранное слово, чтобы нельзя было передѣлать его по своему! Вѣдь и на родной почвѣ словá съ теченіемъ времени измѣняются и искажаются до неузнаваемости: кáкъ далеко французское названіе орла, aigle, отстоитъ отъ основного латинскаго aquila, какъ мало нѣмецкое названіе души, Seele, похоже на древне-

германское saivala! Почему же при переходѣ въ другой языкъ реченіе должно остаться неприкосновеннымъ и не измѣниться ни на волосъ? Вѣдь къ иностраннымъ словамъ мы прибѣгаемъ для того, чтобы выразить понятія, для которыхъ въ нашемъ языкѣ недостаетъ выраженія, а отнюдь не для того, чтобы блеснуть знаніемъ иностранныхъ языковъ. По крайней мѣрѣ, такъ бы должно быть, хотя въ дѣйствительности многіе не прочь порисоваться своими познаніями и не упускаютъ случая ввернуть хитрое иностранное словечко. Иной, конечно, не зная хорошенько значенія употребляемаго имъ слова, употребитъ его и не въ попадъ, какъ Гоголевскій гостинодворецъ слово *пролетарій*. Помните, въ послѣдней главѣ Мертвыхъ душъ прикащикъ ищетъ для Чичикова сукна брусничнаго цвѣта съ искрой и залѣзъ на слишкомъ высокую полку, а хозяинъ ему говоритъ: «что ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой» (купецъ, очевидно, производилъ пролетарій отъ пролетать!). Положимъ, такое употребленіе слова пролетарій Гоголь, можетъ быть, и самъ выдумалъ; но мнѣ довелось слышать собственными ушами, какъ одинъ господинъ хвастался купленною имъ прочною мебелью, хотѣлъ ее назвать *солидною* и назвалъ—*солидарною!*

Иногда употребленіе иностранныхъ словъ, хотя и правильное, обличаетъ все-таки недостаточное пониманіе дѣла, о которомъ идетъ рѣчь: иной сыплетъ иностранными словами потому, что цѣликомъ хватаетъ мысли изъ иностранныхъ книжекъ и не въ состояніи хорошенько переварить ихъ — мысль сложившаяся въ русской головѣ, или, хотя бы иностранная, но усвоенная и переработанная русскимъ умомъ, обыкновенно сама собою найдетъ для себя хорошее русское выраженіе. А всякій человѣкъ (и въ разговорѣ, а еще болѣе на письмѣ) долженъ дорожить правильностью, точностью, простотой и ясностью своей рѣчи—одно изъ средствъ къ достиженію этихъ качествъ есть строгая разборчивость въ употребленіи иностранныхъ словъ: только при такомъ употребленіи слова эти являются не лишнимъ балластомъ, а полезнымъ дополненіемъ родного языка.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Примѣчанія къ этой рѣчи не были читаны на актѣ, а прибавлены впослѣдствіи.

[2]) Выводить изчужа слово *молоко* можетъ казаться нелѣпымъ: не учились же славянскія матери у нѣмокъ кормить грудью своихъ младенцевъ! Однако Славяне, имѣвши первоначально свое собственное названіе для молока, могли усвоить еще и чужое, которое впослѣдствіи могло вытѣснить первое: вспомнимъ турецкія слова сȍкāк (soqáq) улица, hỳприја (köprü̇) мостъ, греческія àвлија (αὐλή) дворъ, хȕльада (χιλιάς, -άδος) тысяча, которыя сдѣлались обиходными словами у Сербовъ, такъ что лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются древнія общеславянскія; вспомнимъ нѣмецкое Schwager (шуринъ, деверь, зять), утвердившееся у Чеховъ и Поляковъ (чеш. švagr, švager, švakr, поль. szwagier, -gra)! Итакъ иностранное происхожденіе слова *молоко* нельзя напередъ считать немыслимымъ, а слѣдуетъ выслушать на его счетъ доводы сравнительной грамматики. Рядомъ со староцерковнымъ *млѣко* стоитъ готское miluks (=старонѣм. miluch, новонѣм. Milch). Если бы эти два слова были вынесены Славянами и Готами изъ древней сокровищницы единаго Славяногерманскаго (точнѣе—Литвославяногерманскаго) языка, то они должны были съ теченіемъ времени подвергнуться тѣмъ звуковымъ измѣненіямъ, которыя обычны въ данныхъ языкахъ. Но оказывается, что соотношеніе словъ *млѣко* и miluks неправильное, а именно, что они грѣшатъ противъ Гриммова закона (закона «звукового перебоя»). По этому закону звукъ *k*, если онъ основной, могъ сохраниться только у Славянъ, а у Германцевъ долженъ былъ перейти въ h, а основное *g*, которое у Германцевъ дало бы k, у Славянъ должно было уцѣлѣть, или же перейти въ *з*: славянскому *млѣко* соотвѣтствовало бы готское * miluhs, готскому miluks—слав. * млѣго или * млѣзо. Такое несоотвѣтствіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если предположить, что наше слово хранилось отъ старины и развивалось органически только у однихъ Германцевъ, или у однихъ

Славянъ, а потомъ было *заимствовано* однимъ народомъ у другого: звуковая неправильность будетъ тогда столь же естественна, какъ напр. отсутствіе полногласія въ русскихъ словахъ *храмъ*, *прежде*, взятыхъ изъ языка церковнаго. А что заимствующею стороною были Славяне, это явствуетъ изъ того, что готское (оно же и древнее общегерманское) k въ словѣ miluks находитъ себѣ соотвѣтствіе въ глагольной формѣ родственныхъ языковъ, существующей также и у самихъ Славянъ: мы видимъ греч. глаголъ amélgo (ἀμέλγω), латин. mulgeo, лит. мéлжу (mélžu) и староцерковн. мльзѫ (неоконч. — млѣсти) доить, а въ Санскритскомъ marj (мардж), 3 л. н. вр. mṛjáti (мырджáти), тереть, чистить — всѣ эти формы указываютъ на первоначальный звукъ g. Не желая признавать иностранное происхожденіе слова млѣко, можно бы рѣшиться отдѣлить его отъ германскаго miluks и сблизить съ латинскимъ mulceo глажу, но этотъ глаголъ сродни съ санскритскимъ març (марсь), 3 л. н. вр. mṛçáti (мырсáти), трогать, касаться, что, въ переложеніи на славянскіе звуки, даетъ * мльсеть, а такому глаголу также не могло соотвѣтствовать существительное млѣко, а только * млѣсо.

Слово *хлѣбъ* имѣетъ при себѣ готское hlaifs, род. hlaibis, старонѣм. hleif, новонѣм. Laib (ein Laib Brodt—коврига хлѣба). Въ этихъ словахъ уже начальный согласный указываетъ на заимствованіе: слов. *х* происходитъ изъ основного s, который у Готовъ *сохраняется*, готское же h, какъ сказано выше, равняется первоначальному k, которое у Славянъ *ущѣлѣваетъ*, или [въ извѣстныхъ случаяхъ, когда въ Санскритскомъ и Зендскомъ ç, а въ Литовскомъ sz (ш)] переходитъ въ *с*. Далѣе и слав. *б* при готскомъ колебаніи между f и b неумѣстно, т. к. b (которое обыкновенно замѣняетъ основное bh и равняется славянскому *б*), когда чередуется съ f, есть *вторичная замѣна f, не имѣющаго передъ собой ударяемаго гласнаго*, а готскому f соотвѣтствуетъ у Славянъ не *б*, а *п*. Итакъ, еслибы слово *хлѣбъ* было древнимъ славяногерманскимъ и, согласно славянской формѣ, звучало бы *slaibhas, то изъ этого у Готовъ вышло бы не hlaifs, а * slaibs; если же, по показаніямъ Готскаго языка построить славяногерманское * klaipas, то изъ него не выведешь славянскаго хлѣбъ, хлѣба, а можно вывести только *клѣпъ, *клѣпá, или *слѣпъ, *слѣпá. (См. Karl Verner. Eine ausnahme der ersten lautverschiebung. Zeitschrift für vergleichende sprachforschung. B. XXIII. Berlin 1877. S. 114). И тутъ звуковыя неправильности станутъ понятными, если принять, что Славяне позаимствовались у Германцевъ: при заимствованіи, конечно, не стали замѣнять германскихъ звуковъ соотвѣт-

ственными славянскими, а усвоили себѣ, съ возможною точностью, готовый звуковой обликъ; такимъ же образомъ и Германцы могли бы перенять слово *хлѣбъ* у Славянъ въ видѣ hlaibs, hlaibis, изъ чего впослѣдствіи, по образцу другихъ словъ съ чередованіемъ b и f, могло выдти hlaifs, hlaibis. Т. к. корень разсматриваемаго слова неизвѣстенъ, то трудно рѣшить, принадлежитъ ли оно первоначально Славянамъ, или же Германцамъ; впрочемъ, колебаніе между f и b (вторичное внесеніе котораго возможно, но не особенно вѣроятно) говоритъ въ пользу Германцевъ. Попытка Матценауера (Ant. Matzenauer. Cizí slova ve slovanskýsh řečech. V Brně 1870, str. 33—35) доказать, что слово хлѣбъ — hlaifs унаслѣдовано Славянами и Германцами отъ времени ихъ древняго языковаго единства, не выдерживаетъ критики.

[3]) Бизаньшкóтъ—шкотъ у бизáни: шкотъ (schoot м. р.) — веревка, притягивающая нижній уголъ паруса къ борту, или рею; бизáнь, -и—нижній косоугольный парусъ на бизáнь-мáчтѣ (bezaanmast — задняя мачта). Гротабрáсъ—брасъ у грота-рея: рей или райна (ree, raa ж. р.) —поперечина у мачты; грота-рей — самый нижній рей на гротъ-мачтѣ, т. е. на средней, большой мачтѣ. Брасъ (bras м. р.)—снасть, служащая для обращенія реевъ въ горизонтальномъ направленіи. Утлéгарь (uitlegger м. р.)—дерево, служащее продолженіемъ бушприта: бушпритъ (boegspriet ж. р.)—мачта на передней части корабля, въ наклоненномъ положеніи выдающаяся за водорѣзъ. Словарь Церковно-славянскаго и Русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ 1867—1868. J. Fleischer en W. J. Olivier. Handwoordenboek der hoog- en nederduitsche talen. Eerste deel. Hollandsch-hoogduitsch. Te Amsterdam 1834.

[4]) Что слово *молоко* существовало уже во времена единства славянскаго племени, явствуетъ изъ присутствія его во всѣхъ славянскихъ языкахъ: по-староцерковному млѣко, по-болгарски *мляко* (читай млекó или млякý), по-серб. млијѐко, млéко, млúко (различно, по говорамъ), по-словен. mléko, по-чеш. mléko, по-поль. mléko, по-верхнелужицки mloko, по-нижнелуж. ml'oko (читай млёко). Однако, какъ и вообще о полногласныхъ словахъ, неизвѣстно, каковъ былъ его первоначальный видъ: млѣко ли, мелеко, или мелко.

[5]) Возможно, что нѣкоторыя слова сложились какъ бы сами собой, по другія сознательно сочинены, какъ нпр. чешское названіе ботаники. См. Письма Іосифа Юнгманна къ Антонину Марку (Listy Josefa Jungmanna k Antonínovi Markovi. Časopis Českého Musea 1882, str. 177).

[6]) Не удалось, однако, вытѣснить всѣ иноземныя слова: у Чеховъ напр. мȳдырцтви и ȳмнице (mudrctví, umnice), вм. философіи и логики (filosofie, logika), не привились, а *алгебры* даже не пытались перевести. Кромѣ того, существуетъ немало обиходныхъ словъ иностраннаго происхожденія, какъ рарíг бумага [изъ нѣм. Papier, которое само взято изъ лат. рарȳгus=греч. рáрȳros (πάπυρος)], кàламарж (kalamář) чернильница (лат. calamarium=греч. καλαμάριον), boty сапоги (франц. bottes) и т. п. Срв. Slovník naučnў подъ словомъ purismus.

[7]) См. у Я. К. Грота. Народный и литературный языкъ. Толковый словарь В. И. Даля. Филологическія разысканія. 2 изд. Санктпетербургъ 1876. Т. I, стр. 1—9, 13—25.

[8]) Благоуханіе—εὐωδία, священнослужитель—ἱερόδουλος, путешествовать—ὁδοιπορεῖν. Большее число примѣровъ можно найти у Ѳ. Буслаева (Историческая грамматика Русскаго языка. Этимологія. Изд. 3. Москва 1868, стр. 184). Иныя слова этого рода, можетъ быть, не прямо переведены, а составлены по образцу переводныхъ.

[9]) «Мысль ѣхать, какъ хмѣль, туманила мнѣ голову, и я безпечно и шутливо отвѣчалъ на всѣ предостереженія, пока еще событіе было далеко. Я все мечталъ — и давно мечталъ объ этомъ *вояжѣ*». Фрегатъ Паллада. Спб. 1858. Т. I, Гл. I, стр. 4. «Сколько благъ сулилъ я себѣ въ *вояжѣ*, и сколько ужъ ихъ не осуществилось». Тамъ-же, стр. 82. Или въ этихъ мѣстахъ все-таки слышится иронія?

[10]) Напр. Staatskanzleramt должность государственнаго канцлера, Fahrplansveränderung измѣненіе росписанія поѣздовъ, Rothstiftbemerkungen замѣчанія, писанныя краснымъ карандашомъ.

[11]) Впрочемъ моряки именно говорятъ *ходить* по морю, а не ѣздить.—У *одноколки* «одна кола» или «однѣ колѣ», т. е. одна пара колесъ.

[12]) Столь же неуклюже *землетрясеніе*=Erdbeben, вм. *землетрясъ*, а также *естествоиспытатель*=Naturforscher, вм. *естествопытъ*, которое впрочемъ лучше бы замѣнить возникшимъ среди студенчества *естественникъ*. Нашъ книжный языкъ вообще грѣшитъ длиннотою словъ, но не столько неловкимъ сложеніемъ, сколько безцѣльнымъ скопленіемъ производственныхъ наставокъ, напр. обиліемъ словъ на *аніе, еніе, ательный, ительный*, въ родѣ *вліяніе, выраженіе, вліятельный, выразительный*, которымъ при образованіи ихъ могли бы придать болѣе краткія формы вливъ, вы́разъ, вливной, выразной. Срв. у Даля. О русскомъ словарѣ. Толковый словарь. Т. I, стр. XXI. Жалобу на длинноту рус-

скихъ словъ мы находимъ также у Каткова. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка. Москва 1845, стр. 75.

[13]) Такъ мы привыкли и къ прилагательному *православный*, представляющему *невѣрный* переводъ съ греческаго: греческое orthódoxos (ὀρθόδοξος) значитъ «*праводумный*», или *правовѣрный* — dóxa (δόξα) въ такомъ сочетаніи не *слава*, а *мнѣніе*. Слово *православный* имѣетъ право давности да къ тому-же пріобрѣло грамматическій смыслъ, будучи понимаемо, какъ «славящій Бога правильно»; а подобное ему *инославный* понимается, какъ «славящій Бога иначе, не по православному», тогда какъ оно передаетъ греч. allódoxos (ἀλλόδοξος), что̀ значитъ *заблуждающійся*, буквально—думающій иначе, а не такъ, какъ слѣдуетъ. Инымъ путемъ пріобрѣли грамматическій смыслъ слова̀ *сальный* и *сальность*= франц. sale, saleté: ихъ *пріурочили* къ туземному слову *сало* — это случай весьма мѣткаго *осмысленія* (или «народнаго словопроизводства», какъ звучитъ неуклюжій переводъ неудачнаго нѣмецкаго термина Volksetymologie); напрасно Я. К. Гротъ (Разборъ Даля. Фил. раз. Изд. 2, стр. 17 прим.) отсылаетъ обратно во Францію этихъ обрусѣвшихъ французовъ.

[14]) Вторая часть *опредѣлительнаго* сложенія у Славянъ всегда носитъ причастный характеръ (то́-же и при *дополнительномъ* сложеніи), напр. краснобай—говорящій красно, скороходъ—ходящій скоро; сложить прилагательное съ названіемъ *предмета*, возможно только при сложеніи *обстоятельственномъ*, преставляющимъ одни *прилагательныя*, въ родѣ *бѣлолицый*, *чернобровый*, *полоумный*: по такимъ образцамъ и Чехи могли бы говорить *truchlohré или *truchloherné divadlo трагическій театръ, но truchlohra — образованіе неправильное. (Можно было, впрочемъ, образовать и существительное, но не иначе, какъ при посредствѣ прилагательнаго: *truchloherka отъ *truchlohrý, какъ бѣлоручка отъ бѣлорукій). — Столь же неправильно хорватское словое dȅlokrug кругъ дѣйствій=нѣм. Wirkungskreis, противъ котораго не даромъ возставалъ Францъ *Курелецъ* (Fran Kurelac), въ статьѣ о варваризмахъ *); напрасно за него вступился Адольфъ *Веберъ* **), ссылаясь на слова̀ kòlovrât водо-

*) Заглавіе этой статьи довольно кудрявое: Наносы неуклюжаго и безобразнаго говора, осѣвшіе на берегахъ нашего языка или: о варваризмахъ (Mulj govora nespretnâ i nepodobnâ nanešen na obale našega jezika ili: o barbarizmih). Rad Jugoslavenske Akademije. Knj. XXIV.

**) Adolfo Veber. Obrana niekoliko tobožnjih barbarizamah (Защита нѣкоторыхъ мнимыхъ варваризмовъ). Rad XXIX.

воротъ и vìnogrãd виноградникъ, изъ коихъ первое, въ этимологическомъ переложеніи, будетъ «круговоротъ» т. е. вертящійся кругомъ, и подходитъ подъ общее правило, второе же стоитъ особнякомъ и потому именно должно считаться заимствованнымъ Славянами у Готовъ (по-готски veinagards). По той же причинѣ, какъ truchlohra и dělokrug, не годится и хорватское paroBrod=«паросудно», и слѣдуетъ вмѣстѣ съ Курельцемъ (только не «въ видахъ благозвучія»!) предпочитать parǫplov, подобное нашему, весьма удачно составленному пароходъ. [Слово пароходъ, какъ мнѣ разсказывалъ покойный адмиралъ Андрей Васильевичъ Фрейгангъ, не очень давно нарочно было образовано моряками, въ замѣнъ англійскаго *стимботъ* (steam-boat: steam дымъ, boat лодка). Баратынскій еще не зналъ этого слова и стихотвореніе про плаваніе на пароходѣ озаглавилъ италіанскимъ (собственно греческимъ) словомъ *пироскафъ*—pirós-scafo: pyr (πῦρ) огонь, skáphos (σκάφος) судно].

[15]) Странно, что Курелецъ, въ вышеуказанной статьѣ, рекомендуетъ своимъ землякамъ польское переводное dalekopis (или dalopis), въ замѣнъ «неудачно составленнаго» brzojav: послѣднее слово довольно мѣтко указываетъ на главное свойство телеграфа — на быстроту. Слово dalekopis, впрочемъ, у Поляковъ мало употребительно, если вообще употребляется, а не сочинено словарниками.—На счетъ этимологически ясныхъ словъ слѣдуетъ еще замѣтить, что иныя изъ нихъ, не смотря на свою прозрачность, пріобрѣли условный смыслъ: таково рус. *бездѣльникъ* = негодяй, чешское, польское и нижнелужицкое *злодѣй* (чеш. zloděj, поль. złodziej, нижнелуж. złoźej)—воръ.

[16]) Первоначально слово philologia (φιλολογία) употреблялось въ буквальномъ смыслѣ и означало *разговорчивость*, *болтливость*: въ такомъ значеніи прилагательное φιλολόγος встрѣчается у Аѳинея: Οἶνος φιλολόγους ποιεῖ τοὺς πλέον πίνοντας αὐτόν (Athen. II 36 b. Henricus Stephanus. Thesaurus græcæ linguæ) — кто пьетъ много вина, того оно дѣлаетъ болтливымъ. (Впрочемъ, у Аѳинея — собственно у цитуемаго имъ комика Алéксида *) — тутъ каламбуръ: φιλολόγος болтливый, но также и любитель знанія, науки, на что̀ указалъ мнѣ мой коллега С. Н. Ждановъ).

[17]) Иной, можетъ быть, предпочелъ бы образовать «звукопроводъ», по образцу «водопроводъ», но послѣднее слово составлено неправильно: вторая часть сложенія должна быть простымъ словомъ.

---

*) Alexis, Alexidis, Ἄλεξις, Ἀλέξιδος.

[18]) Я нарочно не отмѣчалъ откуда взяты эти примѣры, не желая придавать своимъ нападкамъ личнаго характера.

[19]) Даже у одного изъ нашихъ лучшихъ романистовъ встрѣчается фраза: «Ф. очевидно сама создала этотъ *фактъ* въ своемъ разстроенномъ воображеніи», тогда какъ слѣдовало сказать «это обстоятельство», или «эту подробность». — Слово *фактъ* вмѣсто *поступокъ* употреблено въ слѣдующемъ неуклюжемъ выраженіи: «черногорскій князь совершилъ фактъ, несомнѣнно свидѣтельствующій, что онъ нарочно избѣгалъ встрѣчи лицъ злоумышлявшихъ противъ Черногоріи».

[20]) Тѣмъ же недостаткомъ, какъ глаголъ *эксплуатировать* страдаютъ существительное *оригиналъ* и прилагательное *оригинальный*: къ чему смѣшивать то, что различено въ русскихъ словахъ *подлинникъ—чудакъ*, *подлинный—своеобразный—чудной—странный*?—Порицанія заслуживаетъ также употребленіе нарѣчія *спеціально* вм. *нарочно*: «зданіе спеціально сооруженное для школы», «я спеціально пришелъ переговорить объ этомъ»: слово *спеціальный* умѣстно лишь въ примѣненіи къ научнымъ книгамъ, или занятіямъ, какъ противоположное словамъ *популярный*, *общедоступный*, или же *диллетантскій*, *любительскій*.

[21]) Горе отъ ума. Дѣйствіе III, явл. 22.

[22]) А. Ѳ. Потебня. О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. К исторіи звуковъ Русскаго языка. II. Варшава 1880, стр. 7 (=Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. II 1879 г., стр. 7).

[23]) Вмѣсто *почтамтъ* можно бы говорить просто почта, или же образовать новое слово *почтарня*.

[24]) Напрасно Я. К. Гротъ утверждаетъ, что «Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга ау» (Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка, стр. 6) — это относится только къ людямъ, съ дѣтства наломавшимъ свой языкъ. На счетъ слова *обвахта* нужно оговорить, что измѣненіе его вызвано было не только неудобностью нѣмецкаго Hauptwache, но также сближеніемъ со словомъ *вахта*=нѣм. Wacht ж. р. и съ предлогомъ *объ*.—Къ числу несогласныхъ съ русскою фонетикою словъ принадлежитъ также *инстинктъ*, противъ котораго возставалъ уже Даль (О русскомъ словарѣ. Толковый словарь, Т. I, стр. XXII), предлагавшій замѣнить его словомъ *побудокъ* или *побудка*.

[25]) Сравненіе это заимствую изъ польской грамматики Штохля: Z wyrazami cudzoziemskiemi tak się właśnie rzecz ma, jak z mieszkańcami obcemi, którzy w naszym kraju osiadają; ci powinni się stosować do praw naszych, a tamte do prawideł naszego języka. Andrzej Sztochl. Gram-

matyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa 1854, str. 137.— Даль на этотъ счетъ говоритъ: «Если слово перенячено въ говорѣ на русскій ладъ, то тѣмъ лучше, тѣмъ легче оно можетъ быть усвоено.» Толковый словарь. Напутное слово стр. XVI. Та-же мысль высказывается въ статьѣ О русскомъ словарѣ (Толковый словарь, стр. XXIII). Разумѣется, передѣлкѣ подлежатъ и окончанія заимствуемыхъ словъ: *музей* долженъ бы всегда называться музеемъ, а не «музеумомъ»; вмѣсто *максимумъ*, *минимумъ* слѣдовало бы говорить *ма́ксимъ*, *ми́нимъ*; *нотаріусъ* и *архиваріусъ* выиграли бы много отъ сокращенія въ *нотаря* и *архиваря*, по образцу словъ *секретарь*, *пономарь*=secretarius,, paramonários (παραμονάριος).

[26]) Brief, собственно короткое письмо (litera brevis), а потомъ вообще письмо, писаніе (scriptum). J. u. W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. B. II.—Abentheuer, изъ романскаго adventura, aventura, aventure, заимствовано уже средневѣковыми стихотворцами. Grimm. D. W. B. I.—Fauteuil. Изъ старонѣмецкаго faltstuol отъ falten складывать и stuol сѣдалище — fauteuil былъ первоначально складнымъ стуломъ. E. Littré. Dictionnaire de la langue française. T. II.—Boulevard 1) оплотъ, укрѣпленіе (въ собственномъ и въ переносномъ значеніи) 2) бульваръ; изъ нѣмецкаго Bollwerk оплотъ. Переходъ слова изъ перваго значенія во второе объясняется тѣмъ, что на мѣстѣ снесенныхъ укрѣпленій устраивались мѣста для гулянія. Littré. T. I.

[27]) По такому соображенію я никакъ не согласился бы, какъ совѣтуетъ Г. И. Мейеръ (Замѣтка о чужихъ словахъ въ Русскомъ языкѣ. Стр. 2. Филологическія записки 1876 г., вып. 5), говорить вм. *галстукъ* (Г. Мейеръ пишетъ гальстухъ) «шейный платокъ». «Охотничья сумка» вм. *яхташъ*=нѣм. Jagdtasche также неудобно, да и чѣмъ яхта́шъ, яхташа́ не русское слово? (Оно, впрочемъ, отзывается иностранщиной, если произносить его, согласно съ Академическимъ словаремъ, яхта́шъ, яхта́ша). Рекомендуемые въ той же статьѣ (стр. 3) ряженые греки *Петроградъ* и *Екатериноградъ*=Petropolis, Catharinopolis (Πετρόπολις, Αἰκατερινόπολις) не лучше нѣмцевъ «Петербургъ» и «Екатеринбургъ». Главной мысли статейки Г. Мейера я, конечно, не могу не сочувствовать, а въ частности позволю себѣ повторить за нимъ и за Шишковымъ совѣтъ, что не мѣшало бы намъ позаимствоваться кое-какими словами у другихъ Славянъ. Эту мысль, примѣнительно къ своему родному языку, высказывалъ уже въ XVI столѣтіи полякъ Лука Гурницкій (Łukasz Górnicki), въ діалогѣ «Польскій придворный» (Dworzanin polski), книга 1;

о полной ея приложимости къ языку Чешскому говоритъ Іосифъ Юнгманнъ (O českém jazyku úsudek Lukáše Hornického: Jos. Jungmann. Sebrané drobné spisy. Svazek 2. str. 158. Národní bibliothéka. Díl 22. V Praze 1873). Легко и съ пользой мы могли бы усвоить нпр. чешское слово желѣзница (železnice) желѣзная дорога, также польское упоминокъ (upominek) сувениръ, подарокъ на память, сербское воздарье (ўздарје) подарокъ за подарокъ (Gegengeschenk).

[28]) Рекомендуя свободное отношеніе къ иностраннымъ словамъ, я повидимому становлюсь въ рѣзкое противорѣчіе съ *А. А. Ивановымъ* (О раціональной передачѣ грѣческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ. Кіевъ 1881). Дѣйствительно, я никакъ не могу раздѣлять его негодованія на слова *гипотеза, фазисъ* или *фаза, гимназія, гигіена* (стр. 10): какъ нпр. русское слово *сынъ* ничѣмъ не хуже праязычнаго sūnûs, такъ и искаженное реченіе *гипотеза* не хуже Ивановской hypóθeesi (= греч. ὑπόθεσις) и отлично можетъ служить условнымъ названіемъ для научной догадки — вѣдь усвоеніе иностранныхъ словъ имѣетъ цѣлью обогащеніе родного языка, а не упражненіе въ греческой или въ сравнительной грамматикѣ. Съ другой стороны, однако, я вполнѣ сочувствую единообразной передачѣ греческихъ и латинскихъ именъ *собственныхъ* *), хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ она является у Иванова, а съ нѣсколько инымъ пониманіемъ выставленныхъ имъ (на стр. 13) правилъ: 1) передавать какъ можно точнѣе звуки словесной массы и какъ можно правильнѣе передѣлывать окончанія 2) сохранять по возможности акцентъ и грамматическій родъ словъ **), однако

*) Только едва-ли къ нимъ слѣдуетъ, согласно съ Ивановымъ (стр. 14, прим. 1), относить и варварскія имена, перешедшія къ намъ въ эллинизованной или латинизованной формѣ: ужъ если мѣнять Дарія, такъ именно на древнеперсидскаго Дараява, а не на греческаго Дарія или Дарéя.

**) Т. к. ударéніе у многихъ классическихъ именъ, да и у многихъ русскихъ словъ не установилось—мы произносимъ нпр. Пиндаръ и Пиндáръ, нужда и нуждá (на послѣднее обстоятельство напираетъ и самъ Ивановъ, стр. 2),—то реформа въ этомъ отношеніи не должна бы встрѣтить особенныхъ затрудненій: кажется, могъ бы привиться даже выговоръ Парнáссъ, Парнассá (греч. Parnassós, Parnassú—Παρνασσός, Παρνασσοῦ), Ураńъ, Уранá (греч. Uranós, Uranú — Οὐρανός, Οὐρανοῦ), вмѣсто котораго у Иванова являются Парнáссъ, Парнáсса и 'Уранъ, 'Урана (стр. 26), изъ коихъ первое можно оправдать какъ уступку господствующему произношенію, но второго ничѣмъ не оправдаешь. (Ивановъ держится въ этихъ словахъ латинской акцентовки Parnássus, 'Uranus, но это непослѣдовательно).

3) *не дѣлать никакого насилія родной рѣчи.* Напирая на третье правило, я рѣшительно протестую противъ введенія въ Русскій языкъ иностранныхъ *звуковъ* ü, ö, au, eu, долгихъ гласныхъ, h и ϑ (—англійскому th въ словѣ thing) *) — эти звуки слѣдуетъ замѣнять наиболѣе близкими звуками Русскаго языка: *и* или же *ю*, *э*, *ав*, *эв*, *і*, *ф* **); вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, считаю лишнимъ имѣть для этихъ звуковъ особыя буквы ***). Къ собственнымъ именамъ можно присоединить тѣ нарицательныя, которыя не сдѣлались достояніемъ Русскаго языка, а встрѣчаются только въ ученыхъ трудахъ по древней исторіи и литературѣ: легко допустить к р о́ т а л о (krótalon, κρόταλον трещотка), п е́ н т а ф л о (péntathlon, πένταθλον соединеніе пяти гимнастическихъ состязаній—прыганія, метанія диска, бѣга, борьбы и кулачнаго боя), п а н к р а́ т і е (pankrátion, παγκράτιον соединеніе борьбы съ кулачнымъ боемъ), г и м а́ т і е (himátion,

*) Иное дѣло по возможности точный выговоръ греческихъ словъ въ самомъ Греческомъ языкѣ, латинскихъ—въ Латинскомъ: нельзя не согласиться съ Ивановымъ, что сознательно коверкать языкъ довольно странно. Между прочимъ, не слѣдовало бы произносить Ц и́ ц е р о, о́ ц і у м, а К и́ к е р о, о́ т і у м (стр. 51): нѣмецкихъ мальчиковъ къ невѣрному чтенію такихъ словъ пріучаетъ *нѣмецкая* грамота (въ которую правило на счетъ c i t вошло изъ средневѣковой латыни), и, можетъ быть, не стоитъ отучать ихъ отъ него; но *нарочно учить* русское юношество *невѣрному чтенію*, когда было бы легче научить его вѣрному—это изъ рукъ вонъ!

**) Ивановъ, впрочемъ, сказалъ бы на это, что можно пожалуй не произносить иностранныхъ звуковъ, но слѣдуетъ по крайней мѣрѣ изображать ихъ на бумагѣ, какъ дѣлаютъ другіе цивилизованные народы, напр. Нѣмцы, которые во французскихъ словахъ употребляютъ буквы ç, é, è и т. д., въ испанскихъ ñ и т. п. (стр. 17, прим. 1). Не ссылаясь на безсмысленность этимологическаго правописанія вообще (ея многіе не признаютъ), обращу вниманіе Иванова 1) на то, что западноевропейское сохраненіе подлиннаго начертанія иностранныхъ именъ вовсе не основано на глубокихъ филологическихъ соображеніяхъ, а на простомъ *списываніи*, и 2) что такая „точная“ передача отчасти удобна для пишущихъ (не приходится думать, какъ изобразить иностранные звуки), но крайне затруднительна для читающихъ. Къ чему она ведетъ можно видѣть на слѣдующемъ случаѣ: одинъ русскій въ Берлинѣ спрашиваетъ въ магазинѣ карточку Тьера (Thiers). „Тьера? Такого у насъ нѣтъ“. „Да вотъ же онъ стоитъ на выставкѣ!“ „Ахъ, старикъ Тирсъ! Тотъ-то у насъ есть!“

***) Знающій по-французски безъ затрудненія поймете, что В и к т о р ъ Г ю г о есть Victor Hugo, и въ Ивановскомъ написаніи h V г о́ (стр. 19, прим.) не нуждается. а не знающій не сумѣетъ и прочитать этого хитраго написанія,

ἱμάτιον платье, плащъ) *). Недурно бы принять и гимнáсіе или гимнáсье (но не гумнасье, хотя по-гречески gymnásion, γυμνάσιον), какъ названіе греческаго учрежденія, мѣста для гимнастики, а также и орхéстру (orchéstra, ὀρχήστρα), въ значеніи «части греческаго театра, назначенной для хора и для танцевъ», отличая ихъ такимъ образомъ отъ современныхъ *гимназій* и *оркестровъ* (Ив., стр. 4, прим. 1, стр. 23, пр. 2) **).

[29]) Я. К. Гротъ (Филолог. разыск. Т. II, 2 изд., стр. 353), приведя слова *депо*, *бюро*, *пальто*, *трюмо*, *кофе*, *алоэ*, *канапе*, *портъ-моне*, *пресъ-папье*, говоритъ, что «у насъ, правда, не мало своихъ именъ, оканчивающихся на О и Е, но мы чувствуемъ, что въ подобныхъ словахъ О имѣетъ совсѣмъ другое значеніе и не составляетъ примѣты рода и склоненія». *Чувствовать* составъ иностранныхъ словъ мы никакъ не можемъ—мы можемъ только *знать*, что по-французски *о* не есть примѣта средняго рода, или *припоминать* затверженное *правило*; что же до словъ на é, то такія слова̀ существуютъ у насъ лишь на бумагѣ, т. к. é въ русскихъ словахъ перешло въ ё. Склоненіе слова алóэ затруднено на письмѣ новомодною правописью съ *э* (Академическій словарь пишетъ алóе) ***). *Кофе* неудобно склонять потому, что получаются необычныя созвучія фя, фю (кóфя, кóфю); объ этомъ словѣ будетъ еще упомянуто ниже.

[30]) Иной могъ бы пожелать сохранить *шоссе*, *колибри*, *кенгуру*, какъ падежи *именительные*, допустивъ образованіе родительныхъ шоссéя, колúбрія, кенгурýя, въ родѣ того, какъ принято склонять реченіе Христосъ, Христа, и, въ родѣ того, какъ Чехи склоняютъ латинскія и греческія собственныя имена, а также нѣкоторыя нарицательныя: Phoeb-us,

---

тогда какъ Гюгó онъ прочитаетъ, при чемъ (конечно, съ грѣхомъ пополамъ) воспроизведетъ французскіе звуки. Очень разумно, однако, Ивановское правило всегда отмѣчать *удареніе* иностранныхъ словъ.

*) Однако не Ниматье. Что̀ касается окончанія, то *ье*, разумѣется, можно допустить, но зачѣмъ отвергать болѣе близкое къ греческому окончаніе *іе*?

**) Не вдаваясь въ подробный разборъ брошюры Иванова, отсылаю читателей къ статьямъ В. Боголюбова (Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. IV, Педагогическій отдѣлъ, стр. 42) и А. Соболевскаго (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1882 г. Августъ), съ которыми я, правда, согласенъ не во всѣхъ отношеніяхъ.

***) Есть и другая форма—алóй, алóя.

род. Phoeb-a; Demosthēn-ēs, род. Demosthe-na; Mid-as, род. Mid-y; Astyanax, род. Astyanakt-a; Venus, род. Vener-y; muse-um, род. muse-a. Однако склонять та́къ, значитъ насиловать родную рѣчь (срв. у Иванова, стр. 12). Признавая шоссе́й, колибрій и т. д. единственно возможными формами, имѣю въ виду усвоеніе книжнымъ путемъ, при коемъ естественно ограничиться самыми необходимыми измѣненіями: я, конечно, менѣе всякаго другого стану оспаривать законность слова б а х ч а́ (татарское бахчé), или слова ф о р т е п і а н ы, род. ф о р т е п і а н ъ (вм. несклоняемаго фортепіано), противъ котораго не протестуетъ и Я. К. Гротъ (Филол. разыск., изд. 2, т. II, стр. 351). Кому кажется дикимъ склоненіе *бра, бры*, тотъ пусть вспомнитъ слова́ фалбора́, канва́ (франц. falbala, canevas), которыя мы всѣ привыкли склонять. Насчетъ слова ш о с с е й слѣдуетъ еще замѣтить, что оно не хуже передаетъ франц. chaussée, чѣмъ ш о с с е: русское *е* передъ *й* равняется французскому é, а въ изглашеніи наше *е* звучитъ какъ è.

[31]) И Я. К. Г р о т ъ находитъ, что слово «*кофе* не безъ основанія передѣлывается (напр. у Пушкина) въ *кофей*» (Фил. разыск., II², 353). Ѳ. И. Б у с л а е в ъ (Историческая грамматика русскаго языка. Этимологія. Москва 1868, стр. 248) приводитъ изъ Пушкина форму *чичеронъ*, вм. *чичероне*: «младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ *чичерономъ*» 8,175 (Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г., гл. II, подъ конецъ).

Настаивая на томъ, чтобы склоняли всякое иностранное слово, я, конечно, тѣмъ болѣе протестую противъ того, чтобы оставляли безъ склоненія имена *славянскія* и говорили про «книгу Рачки», вм. книги Рачкаго (хорват. Rački, Račkoga, Račkomu, какъ dobri, dobroga, dobromu), про «типографію Счасни» (чеш. Šťastný, Šťastného = (не)счастный, (не) счастнаго). Это, впрочемъ, встрѣчается рѣже, но сплошь да рядомъ склоняютъ неправильно: пишутъ Пламенацъ, Пламенаца, Алексинацъ, Алексинаца, Ибаръ, Ибара, тогда какъ нужно Пламенецъ, Пламенца, Алексинецъ, Алексинца, Иборъ, Ибра (по-сербски Пламенац, Пламенца, Алексинац, Алексинца*), Ибар, Ибра),—въ томъ же вкусѣ Марекъ, Марека, Робичекъ Робичека: по-чешски Marek, Marka, Robiček, Robička, значитъ, по-русски нужно Марокъ, Марка **), Робичекъ, Робичка ***).

*) Алексинац, Алексинца, как старац, старца = рус. старецъ, старца.

**) Марокъ по звукамъ не много дальше отъ чешскаго Marek, нежели Марекъ, и соотвѣтствуютъ ему этимологически: рус. окъ = чеш. ek = староцерк. ъкъ (песокъ,-ску = písek,-sku = пѣсъкъ,-съка).

***) Неславянскія фамиліи, пожалуй, можно бы и не склонять, когда онѣ

[32]) Дурно и то, что избѣгаютъ образованія отъ заимствованныхъ словъ *производныхъ*, которое принадлежитъ къ лучшимъ средствамъ обрусенія: нельзя не жалѣть, что нпр. отъ слова *Европа* не образовали производныхъ *европскій* и *европецъ*, а стали говорить *европейскій*, *европеецъ*, исходя отъ нѣмецкихъ europäisch, Europäer (= лат. europaeus = греч. εὐρωπαῖος), что къ слову *экзаменъ*, откуда *экзаменовать*, прибавили еще *экзаминатора*, когда можно бы говорить *экзаменовщикъ* *).

нелегко поддаются склоненію, но подъ условіемъ, чтобы избѣгать употребленія ихъ въ косвенныхъ падежахъ, а въ случаѣ необходимости ставить при нихъ склоняемое приложеніе (имя собственное, господинъ, писатель и т. п.): рѣчь Фурту, мнѣніе Руссо—грамматическая безсмыслица. Бо́льшую часть французскихъ фамилій на *е*, *и*, *о*, *у* можно бы устранить, вернувшись къ бывшему у насъ нѣкогда въ ходу возстановленію онѣмѣвшихъ согласныхъ, начавъ говорить про министерство Фрейсинета (Freycinet), про оперы Гунбда (Gounod), про генераловъ Дюкрбта и Дюкрбса (Ducrot и Ducros), при чемъ, конечно, и именительные будутъ Фрейсинетъ, Гунодъ, Дюкротъ, Дюкросъ.

*) На счетъ послѣднихъ словъ нужно сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія: 1) глаголъ *экзаменовать*, должно быть, произведенъ не отъ *экзаменъ*, а отъ французскаго examiner (=лат. examinare), но мы не могли не пріурочить его къ этому имени. 2) Хотя латинскій examinator имѣетъ этимологическое право на букву i, но русскій экзам*и*наторъ, рядомъ съ экзаменъ, крайне страненъ. 3) Написаніе слова *экзаменъ* (также *гекзаметръ* и т. п.) черезъ *кз*, какъ вѣрно замѣчаетъ Ивановъ (стр. 19), есть фонетическая нелѣпость: слѣдовало бы писать *гз* (однако не *кс*, что̀ согласно со стремленіями Иванова, но не съ дѣйствительнымъ, взятымъ у Французовъ и Нѣмцевъ, произношеніемъ).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР